

История

Шанхайский пункт Отдела международной связи ИККИ в 1920—1930-х гг.

© 2014

И. Сотникова

Статья посвящена истории самого засекреченного подразделения Коминтерна — Отдела международной связи ИККИ и его деятельности в Китае. На новых архивных материалах прослеживается нелегальная деятельность представителей ОМС в Шанхае — центре зарубежной разведывательной работы в Китае в течение многих лет.

Ключевые слова: Коминтерн, разведка, Шанхай, Отдел международной связи ИККИ.

Коммунистический Интернационал был международной коммунистической организацией, ставившей целью оказать содействие революционному движению в других странах в разрушении старой социально-экономической системы путем пролетарской революции, сформировать компартии, соподчинив их общей стратегии.

Для решения этих задач Коминтерну необходимо было в числе прочих мер создать специальную структуру для нелегальной работы за границей. 8 августа 1920 г. Малое бюро ИККИ приняло решение о создании такого подразделения, а 11 ноября был сформирован Конспиративный отдел во главе с членом ЦК компартии Латвии, заведующим управделами ИККИ Давидом Самуиловичем Бейка (1885–1946) и его заместителем латышом Симонисом Бергисом (1887–1943). С июня 1921 г. отдел стал именоваться Отделом международной связи (ОМС) ИККИ. В силу нелегального, разведывательного характера деятельности этого подразделения Исполкома, имеющего непосредственное отношение к международным отношениям Советской России с другими странами, многие материалы, касающиеся его функционирования, остаются закрытыми и сегодня.

Известно, что ОМС состоял из нескольких подотделов: связи, финансирования, литературы, шифровального. Осуществление конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, «всякие сношения с заграницей», то есть отправка писем и пересылка литературы, материалов должно было проводиться по февральскому (1921 г.) решению Секретариата ИККИ «только через посредство ОМС». В 1920–1921 гг. значительную часть работы ОМС составляли переброска функционеров из страны в страну, например, переправка в Москву и обратно делегатов конгрессов Коминтерна, пересылка информации, документов, директив, пропагандистской литературы, различных

Сотникова Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: i_sotnikova@mail.ru.

грузов и денег. Этим занималась специальная курьерская служба, созданная при ОМС решением ИККИ от 21 января 1921 г.¹ В мае того же года Малое бюро ИККИ назначило заведующим ОМС старого большевика, одного из основателей Коминтерна Иосифа (Осипа) Ароновича Пятницкого (1882–1938). Заместителем его стал сотрудник Исполкома Коминтерна Павел Александрович Вомпе (1890–1925), который в декабре 1922 г. стал заведующим ОМС ИККИ. После его смерти в августе 1925 г. Президиум ИККИ утвердил заведующим ОМС сотрудника Разведуправления Михаила Григорьевича Грольмана (1896–1938). Затем до июня 1926 г. эту должность занимал нелегал и дипломат, работавший ранее в Европе, инструктор Организационного отдела ИККИ Александр Емельянович Абрамович (Арно, Альбрехт) (1888–1972). С 1926 г. до конца 1936 г. ОМС возглавлял Александр Лазаревич Абрамов (Миров) (1895–1937), также имевший опыт дипломатической и нелегальной работы.

С момента своего создания ОМС стал координирующим органом и связующим звеном между Разведывательным управлением РККА, внешней разведкой и подразделениями Коминтерна в различных странах. Сотрудничество ОМС с этими ведомствами было определено в Положении об отделах Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК еще 8 августа 1921 г., где указывалось: «Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие»².

Деятельность ОМС на первых порах была тесно связана с НКВД. Работники связи, как правило, являлись сотрудниками посольств и торгпредств СССР, представительств ТАСС и других советских организаций за границей. Они направлялись легально с дипломатическими или служебными паспортами. Формально числясь обыкновенными сотрудниками, на деле они вели работу исключительно по линии ОМС. Вся связь с Москвой — деньги, телеграммы, посылка почты и печатного материала производилась через аппараты НКВД, поэтому часть работы сотрудники ОМС выполняли в стенах посольства. По просьбе Малого бюро в ЦК РКП(б) сотрудники Коминтерна, выполняющие специальные задания за границей, стали включаться в отделы дипломатических курьеров НКВД, НКВД и в каждую торговую миссию³. Под легальной поверхностью была стандартная конспиративная кухня: подпольные клочки, фальшивые паспорта, секретные шифры. Однако вскоре, ввиду участившихся жалоб от торговых миссий о расширении нелегальной работы агентов Коминтерна, по решению Политбюро ЦК от 4 мая 1921 г. функции Коминтерна были отделены от НКВД. Руководство ИККИ противилось этому решению, поэтому начался затяжной конфликт между этими ведомствами⁴.

Сообщение со странами Дальнего Востока в тот период было затруднено из-за продолжавшейся в России гражданской войны. «Плაცдармом» для нелегальной работы в Восточной Азии, особенно в Китае, стали региональные органы власти Сибири и Дальнего Востока. Для работы в Китае и Японии в 1921 г. был обустроен пункт связи в Чите после того, как оттуда были выбиты отряды атамана Г.М. Семенова. Иностранный отдел (ИНО) Дальбюро ЦК РКП(б) направил в Шанхай группу нелегалов во главе с участником Гражданской войны на Дальнем Востоке и в Сибири Григорием Наумовичем Войтинским (Григорий) (1893–1953). В течение весны-зимы 1920 г. группе удалось оказать содействие китайским революционерам в создании из разрозненных и разношерстных интеллигентских групп коммунистических кружков для последующего объединения в компартию. Войтинский не был разведчиком, а скорее являлся нелегальным «агентом влияния» РКП(б). Понятно, что сведения, получаемые от него и тогда, и потом передавались соответствующим службам. Эти ведомства старались использовать все возможные способы получения информации. Зарубежная агентурная разведка как единая служба была создана на Дальнем Востоке лишь в декабре 1920 г.⁵ К этому времени Войтинский давно уже работал в Китае.

Связь с организованным в Шанхае Ревбюро поддерживал ИНО Дальбюро ЦК РКП(б), представитель которого, уполномоченный РСФСР на Дальнем Востоке, Владимир Дмитриевич Виленский-Сибиряков (1888–1942), приезжал в Шанхай летом 1920 г.

Затем Сибоблбюро ЦК РКП(б) взяло на себя инициативу в зарубежной работе в Китае, образовав в июле 1920 г. в Иркутске Секцию восточных народов. Войтинскому были вручены полномочия ее представителя и руководителя работой в Китае⁶. В августе 1920 г. было положено начало курьерской связи. Секретарь китайского отдела Секции В.Л. Хохловкин выехал с ценностями для реализации, литературой и подробными инструкциями для Шанхайского отделения⁷.

В январе 1921 г. в Иркутске было учреждено представительство Коминтерна на Дальнем Востоке — Дальневосточный секретариат (ДВСК) во главе с членом Реввоенсовета и Сибоблбюро ЦК РКП(б), уполномоченным НКВД на Дальнем Востоке Борисом Захаровичем Шумяцким (1886–1938)⁸. ДВСК взял на себя функции ОМС на Дальнем Востоке. В 1921 г. он направил в Шанхай своего представителя, сотрудника разведывательного отдела штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики, Владимира Абрамовича Неймана (Б. Никольский). Нейман, работавший ранее в Маньчжурии и недавно вступивший в РКП(б), принимал участие в качестве уполномоченного Коминтерна по Северо-Восточному Китаю в I Учредительном съезде Компартии Китая в Шанхае.

Система коммуникаций между Москвой и Дальним Востоком была несовершенна, хотя от нее зависело очень многое: с одной стороны — возможность принятия Центром адекватных ситуации на местах решений, с другой стороны, его способность контролировать сверху выполнение директив, находилась в прямой зависимости от скорости обмена и объема переданной информации. Для связи с Центром в начале 1920-х гг. использовались радио, телефон, телеграф и фельдъегерская курьерская служба. Однако телефонная и радиосвязь могли осуществляться только на малые расстояния, вследствие чего требовали целого ряда промежуточных узлов связи, через которые «по этапу» передавалась информация. Поэтому для обмена информацией на дальние расстояния особое распространение получила фельдъегерская связь, основным средством передвижения которой вплоть до начала 1930-х гг. на Дальнем Востоке являлся железнодорожный транспорт. В 1922 г. появился новый пункт «сбора информации» в Иркутске, передававший информацию в Китай один раз в три недели.

Наиболее быстрой и надежной была телеграфная связь «по прямому проводу», т.е. обмен информацией в заранее оговоренное время с помощью телеграфных аппаратов. Скорость такой передачи была довольно низкой, поэтому переговоры «по прямому проводу» вели к необходимости строжайшей регламентации доступа к этим средствам связи. При этом учреждения Коминтерна не имели права пользоваться «прямым проводом» и посылать телеграммы без разрешения Дальбюро ЦК РКП(б) или МИД ДВР⁹. Представляется, что ограничение доступа пунктов Коминтерна к средствам коммуникации объяснялась конкуренцией между Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП(б) по вопросам руководства коммунистической работой на Дальнем Востоке, конспиративными мерами, характерными для деятельности Коминтерна в целом, а также финансовыми обстоятельствами, поскольку «прямой провод» был платным. Коминтерн всегда испытывал недостаток средств для закордонной работы, хотя ее финансирование шло отдельной строкой в бюджете Коминтерна.

В сентябре 1921 г. ОМС ДВСК организовал в Китае нелегальную резидентуру — так называемый Шанхайский пункт связи. Выбор Шанхая в качестве места расположения крупнейшего в Азии пункта понятен. Шанхай был важнейшим городом Китая, крупным промышленным и финансовым центром. Кроме того, ОМС уделял особое внимание использованию морского сообщения путем установления связей с моряками, поэтому старался разместить свои пункты в портовых городах, чтобы использовать в случае необходимости флот СССР для доставки людей и грузов нелегальным путем. А Шанхай был крупным портовым городом, куда постоянно заходили российские суда, где существовала большая русская колония. В 1922 г. с приходом в устье р. Янцзы эскадры адмирала Старка с тысячами беженцев из России русское население Шанхая резко увеличилось. Нелегалам несложно было затеряться среди иностранцев, которые компактно проживали

на территории Международного селтльмента и Французской концессии и пользовались правами экстерриториальности, находясь под юрисдикцией своих стран.

Пункт связи в Шанхае должен был наладить контакты с революционными организациями Китая, Кореи, Японии и других стран. В круг его обязанностей входило:

- получение и отправка почты;
- зашифровка и расшифровка шифротелеграмм;
- распространение коммунистической литературы;
- финансовые операции, в том числе передача денег для нужд компартии;
- прием, отправка и обслуживание работников ИККИ, Профинтерна, КИМ, МОПР, Разведупра и обеспечение их квартирами, включая явочные;
- отправка студентов для обучения в СССР;
- переброска и благоустройство командированных работников из Москвы в Китай.

Шанхайский пункт связи действовал через подставные экспортно-импортные фирмы. Сотрудникам ОМС поручалось легализоваться и обосноваться в Шанхае путем содержания компаний, торговых фирм и других подобных заведений. Они должны были организовать и содержать с помощью ИККИ явочные пункты на территории Шанхая, причем так, чтобы представители разных ведомств не знали других явок. Конкретно местонахождение пунктов определялось по выяснении местных условий¹⁰. Одной из основных функций Шанхайского пункта было получение через Сибирское областное управление НКВД СССР (Сибвнешторг) денег, выделяемых Коминтерном для КПК и китайского комсомола, а также для других дальневосточных партий. Большая часть печатной продукции, различных грузов и товаров, предназначенных для Коминтерна, шла на адрес Наркомата внешней торговли в Москве. Телеграммы и радиogramмы Коминтерна за границу передавались компартиями только через Наркомат иностранных дел (была учреждена должность «представителя ИККИ при НКВД по отправке радиogramм»). При этом отсутствовала фактическая соподчиненность отдельных пунктов при недостаточно хорошей связи самого ДВСК с ИККИ и НКВД¹¹. Челночные рейсы курьеров, которые зачастую были не простыми «почтальонами», а имели для передачи серьезные устные поручения руководства, а порой выполняли даже контрольные функции, вызывали сильные подозрения у местных властей.

Сразу организовать работу пункта не получилось потому, что назначенный представитель ДВСК не мог выполнять этой работы. В результате Шанхайский пункт лишь шифровал и иногда передавал зашифрованные сообщения на телеграф, подчиняясь только ОМС. Пункт связи с его коммуникациями был законспирирован от уполномоченного Коминтерна и от всех советских зарубежных органов¹². Недостаточное использование легальных советских учреждений на территории Китая и неэффективность организационно-технической работы Отдела связи ДВСК тормозили всю коминтерновскую работу в Китае. Пункт связи старались оградить от какого-либо контроля со стороны руководства КПК. Связано это было с полным отсутствием у компартии опыта ведения конспиративной работы в области связи, поэтому приходилось вести эту работу «сверху вниз» и замыкать руководство ею на ОМС¹³.

Фактически связь с Россией с осени 1921 г. поддерживалась через представителя Шанхайской конторы Центросоюза Соломона Лазаревича Вильде (Владимир), работавшего ранее бухгалтером Президиума ДВСК. В феврале 1922 г. ДВСК был упразднен, а руководство дальневосточными пунктами связи, включая Шанхайский, переместилось в Москву. Законспирированность деятельности ОМС, его тайные действия во многих странах способствовали укреплению связей ОМС ИККИ с ГПУ¹⁴. В апреле 1923 г. ОМС и фельдъегерский корпус ГПУ подписали соглашение об использовании фельдъегерской связи ГПУ для нужд ОМС, согласно которому местные отделы ГПУ уполномочивались получать корреспонденцию ОМС. Отдел в свою очередь обязался сообщать в фельдкорпус ГПУ сведения о расположении своих местных органов. Таким образом, ГПУ имело полную картину дислокации всех пунктов ОМС на территории СССР и других стран.

ГПУ через ОМС предупреждал гостей Коминтерна об опасностях, ожидающих их при возвращении на родину¹⁵ (обыски или аресты на границе, готовые преследования полиции). ИНО ГПУ, руководимый Меером Абрамовичем Трилиссером (Москвин) (1883–1940), запрашивал у ОМС сведения о деятелях зарубежных партий, прибывающих в СССР, а также обеспечивал ОМС интересующими его данными. 13 мая 1922 г. Трилиссер сообщал Пятницкому: «Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие заинтересовать Коминтерн, мы направляем Вам. Я бы просил каждый раз по получении от нас таких материалов давать заключения по ним и сообщать имеющиеся у вас сведения по вопросам, затронутым в этих материалах»¹⁶.

По решению Политбюро ЦК ВКП (б) и Совнаркома в распоряжение ОМС были выделены курьеры, специальные железнодорожные вагоны и торговые суда для перевозки людей и грузов. Вильде в Шанхае использовал пароходы Доброфлота¹⁷, контора которого находилась в одной из комнат Центросоюза по адресу: 14, Киукианг (Цзюцзян) район, 5-й этаж¹⁸. По тому же адресу находилась явка для приезжающих в Шанхай. Связь через Пекин была менее удобна, поскольку корреспонденция подолгу задерживалась. С КПК Вильде связывался через представителей ИККИ в Китае или через назначенного представителя КПК. В редких случаях использовалась связь через Совмиссию в Пекине или через корреспондента телеграфного агентства РОСТА в Китае Соломона Израилевича Слепака. Вильде считался неофициальным представителем Совмиссии в Шанхае, поэтому у него имелись шифры для связи с ней. Летом 1923 г. ввиду прекращения рейсов пароходов Доброфлота по маршруту Владивосток-Шанхай, финансовая и другая отчетность в Москву какое-то время передавалась через Пекин¹⁹. В архиве сохранились телеграммы Вильде с просьбой не задерживать выплаты КПК и увеличить смету пункта на телеграфные расходы. После короткой командировки в Москву в июне 1924 г. Вильде вернулся в Шанхай уже в качестве вице-консула генконсульства СССР в Шанхае. Однако до мая 1926 г. он связывал представителей Коминтерна с Москвой и сообщал сведения о положении в Китае и в руководстве КПК²⁰.

В связи с антикоммунистическим выступлением Чан Кайши в марте 1926 г. для приближения руководства коминтерновской работой к компартиям в срочном порядке летом того же года в Шанхае было сформировано представительство ИККИ — Дальневосточное бюро (ДВБ). В ноябре 1926 г. на заседании русской делегации ДВБ было признано желательным делегирование в Шанхай бывшего заведующего ОМС ИККИ Абрамовича²¹. 7 января 1927 г. постановлением Секретариата ИККИ Абрамовича командировали в Китай в качестве члена ДВБ ИККИ. Кроме представителя ОМС в ДВБ в то время входили: Войтинский — председатель и представитель ИККИ в Китае, секретарь бюро — Моисей Григорьевич Рафес (Макс) (1883–1942), сотрудник Восточного отдела ИККИ, представитель Профинтерна Татеос Гегамович Мандалян (Профессионалист, Черняк) (1901–1941), заведующий Восточным отделом ИК КИМ Николай Алексеевич Фокин (Молодой, Земилев) (1899–1939) и военный советник от Разведуправления Николай Михайлович Насонов (Чарли, Юноша) (1902–1938). Еще один представитель разведки Григорий Иванович Семенов (Андрей) (1891–1937) летом 1927 г. в Шанхае возглавлял работу по созданию вооруженных сил КПК.

Надо отметить, что отношения Абрамовича с уполномоченным ИККИ Войтинским складывались непросто. Абрамович пришел к выводу, ранее уже озвученному Рафесом и Насоновым: Войтинский не обеспечивает интересы Коминтерна в Китае. Абрамович обвинял Войтинского в «дипломатничаньи», интриганстве и дезорганизации работы ЦК КПК²², предлагая не только отозвать Войтинского, но и прислать в Шанхай крупного работника, который мог бы быть представителем ИККИ²³. Москва решила полностью обновить состав ДВБ ИККИ. Абрамович, Мандалян и Насонов 23 апреля 1927 г. покинули Китай. Однако связь между Шанхаем, где до конца марта на территории Французской концессии размещался ЦК КПК, и советскими представителями на юге страны и Москвой существовала. Абрамовича временно подменял уполномоченный ОМС ИККИ

Григорий Маркович Хейфец (Гримериль) (1899–1984), до этого выполнявший специальные разведывательные задания ОМС за рубежом под дипломатическим прикрытием.

После обыска помещений советского посольства в Пекине в 1927 г. решено было реорганизовать работу ОМС во всех странах на новых, более конспиративных началах. Все легальные работники были заменены лицами с иностранными паспортами. Для связи с нелегальными представителями ОМС, передачи им денег и т. д. назначался кто-либо из уже работавших в посольстве сотрудников, выполнявших задания ОМС как бы по совместительству. Работникам ОМС было запрещено встречаться с иностранными коммунистами, держать в советских учреждениях нелегальные архивы или изготавливать там фальшивые паспорта. Диппочтой можно было пользоваться только для получения денег и посылки шифрованных денежных отчетов, а также для уточнения вопросов по въездным визам для иностранцев, прибывающим в СССР по линии Коминтерна²⁴.

Жалобы представителя ОМС Абрамовича на Войтинского и на политического советника ЦИК Гоминьдана Михаила Марковича Бородин (Англичанин, Банкир) (1884–1951), также исполнявшего обязанности представителя ИККИ, привели к появлению в сентябре 1927 г. документа «О взаимоотношениях отделения ОМС с уполномоченными ИККИ», в котором подчеркивалась независимость заведующего ОМС от уполномоченных ИККИ в Китае. Все конфликты между уполномоченными ИККИ и отделением предлагалось разрешать через ОМС. Более того, любые сношения уполномоченного ИККИ с отделением ОМС должны были производиться «исключительно через заведующего ОМС», а осуществлять финансовые операции «лишь по указанию ОМС ИККИ». То же касалось заказов паспортов и прохождения всей переписки с заграницей²⁵. В декабре 1927 г. Абрамович вернулся в Шанхай. В круг его обязанностей, как свидетельствуют документы, входило финансирование дальневосточных коммунистов.

В период реорганизации аппарата ИККИ в 1926–1927 гг. в КПК появилось желание изменить сложившийся порядок во взаимоотношениях с пунктом ОМС ИККИ. Абрамович в начале 1928 г. сообщал, что сумма субсидий для компартии представлялась руководством ЦК КПК недостаточной, вследствие чего возникали неоднократные разногласия между ЦК КПК и представителем Коминтерна в Китае по поводу контроля над деньгами. Руководство партии решило реализовать свою идею о предоставлении в ИККИ собственного (примерного) бюджета для его утверждения в Коминтерне, направив русской делегации в ИККИ докладную записку о финансовом положении партии²⁶. Руководители ЦК КПК критиковали Коминтерн за недоверие к КПК и за нерегулярность выплат, оказывающих негативное влияние на китайскую революцию.

Реорганизации аппарата ИККИ привела также к расширению связей ОМС с ОГПУ. Формы сотрудничества носили разнообразный характер. Это касалось не только переброски людей и грузов и обеспечения подложными документами, обмена конфиденциальной информацией, включая сообщения ОМС о беседах представителей Коминтерна с руководящими деятелями компартий и о положении в коммунистических партиях. ОГПУ часто обращалось в ОМС с просьбой установить ту или иную личность, ее принадлежность к коммунистической партии, дать ей политическую оценку, предупреждая о возможных преследованиях, готовящихся провокациях и репрессиях в отношении конкретных коммунистов. ОМС способствовал вовлечению в секретную разведывательную работу иностранных коммунистов и тех, кто им сочувствовал. Все они с большой готовностью откликнулись на призыв о помощи, который исходил от Коминтерна. Для них гораздо сложнее было идти на прямой контакт с органами советской разведки. Многие агенты Разведуправления РККА и ИНО ОГПУ были уверены, что работают на Коминтерн. Вообще до середины 30-х годов четкого разграничения сфер влияния между ними не существовало, все действовали во имя достижения общей цели.

Через ОМС ИККИ в Шанхае продолжали свою работу соответствующие отделы Профинтерна, КИМ и других международных организаций: пересылали литературу, переправляли делегатов на свои конгрессы, изготавливали необходимые документы и визы для

отъезжавших и прибывавших в СССР по линии этих международных организаций. Однако работа Шанхайского пункта в это время оставляла желать лучшего. Заведующий организационным отделом Исполкома КИМ Рафаил Моисеевич Хитаров (Берг) (1901–1938), занимавшийся китайским комсомолом в 1927 г., отмечал неудовлетворительность работы пункта ОМС. Он сообщал об отсутствии жалования за несколько месяцев и денег на работу комсомола, в связи с чем ему «приходится побираться подавняниями», «занимать и тащить, где только можно». Хитаров просил «поблагодарить» за это ОМС и его руководителя²⁷.

В 1927 г. еще одним представителем ОМС ИККИ в Шанхай был направлен сотрудник Разведупра немец Фридрих Фейергерд (Огнев, Шнейдер) (1897–1937) с женой Анной Циннерт, ему поручалось основать торговое предприятие, которое могло бы легально и без риска получать (телеграфно или через банки) деньги для работы в Китае. В те годы по всему миру стали создаваться легальные учреждения, а также подставные коммерческие фирмы. Предполагалось, что они будут дополнительным источником финансирования компартий, аппаратов представительств ИККИ и своего рода «крышей» для деятельности советских нелегалов. В начале 1928 г. такое торговое предприятие с помощью ОМС было реорганизовано из небольшого дела, зарегистрированного в Германии, принадлежавшего матери немецкого коммуниста Вальтера Левенгейма, в экспортно-импортную компанию под названием «Чайна трэйдинг К^о» с отделением в Шанхае. Фейергерд, не имея еще ни товаров, ни образцов, занялся организацией фирмы, но ОМС, считая Фейергерда «засвеченным» связями с советским генконсульством в Шанхае, отозвал его в Москву. Для открытия отделения «Чайна трэйдинг К^о» и для работы ОМС в Шанхай был направлен разведчик Яков Матвеевич Рудник (Марин, Руэгг, Нуленс) (1894–1963). Рудник должен был принять от Фейергерда все дела по фирме или ликвидировать ее. Для этого он съездил в Германию, а оттуда в Шанхай под фамилией бельгийского подданного Антуана Ленглетта²⁸. Ему не удалось встретиться с Абрамовичем, который в это время получал в Москве инструкции по реорганизации работы Шанхайского пункта ОМС. В начале 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и Узкая комиссия приняли решения о создании дополнительного отделения ОМС в Харбине и установлении курьерской связи не реже 1 раза в 6 недель. Большим подспорьем этому могла бы стать радиосвязь, однако из-за дороговизны приемников радиосвязь с Москвой была лишь у официальных представительств СССР в Китае.

Рудник прибыл в Шанхай в начале апреля 1928 г., а через месяц Фейергерд с женой отправились в Москву. В мае в Шанхай вернулся Абрамович с директивами Центра. Ему поручалось реорганизовать и возглавить работу Шанхайского пункта ОМС, а также взять на себя ведение торгового предприятия. Под фамилией швейцарца Макса Хабера он открыл Шанхайское отделение «Чайна трэйдинг К^о», поглотив торговое предприятие Фейергерда и заняв помещение его конторы. Это предприятие Абрамович зарегистрировал в германском консульстве как отделение фирмы Левенгейма под названием «Метрополитен трэйдинг К^о»²⁹. Ввиду отсутствия у Абрамовича подлинного швейцарского паспорта зарегистрировать фирму как самостоятельное предприятие не удалось. Вместе с Абрамовичем для работы в ОМС приехала его жена Зельма Христофоровна Бертынь (Эльвира) (1892–?). Согласно директивам ОМС, Рудник все деньги и образцы товаров, привезенные из Германии, сдал Абрамовичу. С тех пор никакого отношения к делам торговой фирмы Рудник уже более не имел, а занимался исключительно нелегальной работой ОМС.

Отношения Абрамовича с представителями Коминтерна, как и прежде, не складывались. На этот раз причиной были значительные перебои с финансированием КПК, профсоюзов и китайского комсомола, ответственность за которые лежала на Абрамовиче. Он в свою очередь весной 1928 г. обвинял представителя Профинтерна в Китае, временно исполнявшего обязанности представителя ИККИ, Ольгу Александровну Миткевич (Александрович, Ольга) (1888–1938) в том, что она, где только можно, «вымогает деньги», заимствуя у представителей разведки: «Абсолютная неконспиративность... провал всех наших поме-

щений, связь со всеми соседями как берзинскими³⁰, так и другими, выхватывание денег...»³¹. Результатом этого сообщения стал отзыв Миткевич из Шанхая.

Основной костяк работников Коминтерна в Китае после 1927 г. составляли европейцы. Осенью 1928 г. в Шанхай приехали два политических представителя ИККИ — немецкий коммунист Герхард Эйслер (Роберт) (1897–1968) и опытный подпольщик польский коммунист Игнатий Антонович Рыльский (Остен) (1893–1937), а также представитель Восточного секретариата ИК КИМ англичанин Александр Масси (Бернс) (1905–1947) и представитель Профинтерна англичанин Джордж Харди (Георг, Джордж) (1884–1966) с женой. Это были новые члены ДВБ ИККИ. Кроме них в Шанхае работал корреспондент газеты «Лейбор ньюспейпер» и редактор пекинской газеты «Пиплс трибюн», представитель МОПР американец Джим Дольсен (Американец, Билли) (1884–?). Работа сотрудников ОМС распределялась следующим образом: Абрамович руководил всей работой ОМС в Шанхае и был директором торговой фирмы. Его жена ведала шифром и передачей денег китайским коммунистам, а также вела денежную отчетность. Рудник организовывал явочные квартиры, разъезжал по делам ОМС по различным городам Китая и Японии, исполнял работу переводчика и технического секретаря ДВБ. В июле 1929 г. вследствие провала в Шанхае представителя Политбюро Японской компартии Сано Манабу (Като) (1892–1953) Рудник, который был тесно связан с ним, по постановлению ДВБ и Абрамовича покинул Шанхай³².

Штат фирмы Абрамовича «Метрополитен трэйдинг К^о» был укомплектован на месте. В конце 1929 г. было решено зарегистрировать фирму на имя Фейергерда, которому удалось получить настоящий германский паспорт на свое имя. После уплаты Лебенгейму отступного Фейергерд открыл отделение фирмы в Гамбурге. Осенью 1929 г. в Шанхай на должность заместителя Абрамовича по торговому предприятию был прислан немецкий коммунист Густав Врикке (1895–?), исполнявший мелкие поручения ОМС. В конце 1929 г., когда Абрамович выехал в Москву для доклада, его заместителем оставался Врикке. Жена Альбрехта оставалась в Шанхае. В январе 1930 г. Абрамович также ездил в Берлин для оформления с Фейергердом фирмы. Отныне немецкая фирма Фейергерда становилась партнером Шанхайской фирмы «Метрополитен трэйдинг К^о», а Фейергерд и Абрамович стали совладельцами этих фирм. В отсутствие Абрамовича в начале 1930 г. Врикке похитил около 10 000 китайских таэлей (приблизительно 6000 долл.), принадлежавших фирме, и с женой бежал из Шанхая в Германию³³.

В феврале 1930 г. Абрамович и Рудник вернулись в Шанхай³⁴. Для предотвращения возможного провала решено было полностью отделить нелегальную работу ОМС от торгового предприятия. Согласно новым директивам Абрамович не встречался с членами ДВБ и китайскими коммунистами, а занимался исключительно торговым предприятием и передавал деньги с указаниями Центра Руднику. Жена Абрамовича была отозвана в Москву весной 1930 г. В помощь Руднику в июле 1930 г. в Шанхай прибыла его жена — Татьяна Николаевна Моисеенко-Великая (Генриетта, Коти Руэгг, Нуленс) (1891–1964), сотрудница ИНО ОГПУ. Она приехала в Шанхай вместе с двухлетним сыном Дмитрием (Джим).

Летом 1930 г. ИККИ решил изменить состав ДВБ и направил в Шанхай новых работников. От КИМ на смену уехавшему в конце 1929 г. Масси прибыл секретарь Исполкома Георгий Михайлович Беспалов (Вилли, Молодой) (1904–1967). Рыльский, выезжавший в 1930 г. с докладом в Москву, вернулся в Шанхай с женой Лидией Григорьевной Волынской (Роза) (1901–1937), которая стала техническим секретарем бюро. От Профинтерна вместо Харди и его жены, отозванных в Москву летом 1930 г., были присланы на работу в Шанхай Гирш Герцберг (Григорий Стронский, Джон(ни) (1904–?) и позднее американец Стюарт (Кеннеди), окончивший Ленинские курсы, с женой Элис (Дейзи). Кроме них приехали еще 3 военных работника: руководитель военных советников Август Юрьевич Гайлис (Том, Милин, Фрейлих) (1895–1937) и два его помощника: Василий Прокофьевич Малышев (Кляйн(с) (1898–1976) и радист Фельдман, который через несколько месяцев вернулся в Москву по болезни. Из членов бюро старого состава

оставались в Шанхае Эйслер и Дольсен. Для политического руководства секретарем ДВБ в Шанхай был направлен заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ Павел Миф (Вильгельм, Джозеф) (1901–1938). Его жена Павла Исааковна Прагер (Лилли) (1901–1997) также приехала в Шанхай в качестве политинструктора ДВБ.

Неудачная коммерческая деятельность Абрамовича в фирме «Метрополитен трейдинг К°» негативно влияла на деятельность партии, комсомола, профсоюзов и разведки. Полиция неоднократно накладывала аресты на счета фирмы в банке, и Абрамович выплачивал штрафы деньгами, выделенными для КПК³⁵, что вызывало недовольство КПК и представителей Коминтерна. ДВБ засыпало просьбами ИККИ урегулировать финансовый вопрос и отозвать Абрамовича. В конце 1930 г. Абрамович уехал в Москву и больше в Шанхай не вернулся.

Прибывший осенью 1930 г. в Шанхай Фейергерд остался единственным владельцем и директором Шанхайской фирмы «Метрополитен трэйдиг К°», а его жена, находившаяся в Гамбурге, переводила через предприятие деньги для работы в Шанхае. Рудник получал эти деньги от Фейергерда, как раньше от Абрамовича, выдавал ему расписки, а затем передавал эти деньги компартиям по строго установленному в Москве бюджету. Деньги для работы военного аппарата шли другим путем. Всю работу ОМС вел Рудник, имея под своим началом штат из девяти европейцев.

Работники ОМС обеспечивали связь между ИККИ и КПК, между ИККИ и ДВБ, между ДВБ и КПК, а также связывались с отдельными странами Дальнего Востока. Они обслуживали ДВБ, представителей Профинтерна, МОПР, КИМ и разведки. Пункт ОМС обеспечивал материальные условия для работы представителей этих организаций: арендовал дома и квартиры, явочные помещения для встреч. В ведении ОМС было предоставление адресов и явок для связи с другими странами Дальнего Востока, а также ведение конспиративной переписки с этими странами и посылка туда материалов и литературы. Технический секретарь ДВБ, занимавшийся исключительно протокольной и переводческой работой, к организации связи или какой-либо другой работе ОМС никакого отношения не имел. Согласно директивам ОМС, передача китайцам документов и директив ДВБ на русском языке была запрещена. Однако члены ДВБ — Миф и Рыльский не знали иностранных языков, свои директивы писали по-русски, поэтому у технического секретаря ДВБ иногда не хватало времени служить переводчиком на свиданиях членов ДВБ с представителями Политбюро ЦК КПК. Зачастую выполнять эту работу в нарушение правил приходилось работникам ОМС.

Жизненный уклад в Шанхае не позволял пользоваться для свиданий просто улицей, кино, садами или кафе. Китайцев часто обыскивали в городе, поэтому ДВБ по согласованию с ОМС запретило членам Политбюро ЦК КПК носить при себе какие-либо документы политического характера. Все документы приходилось переправлять в КПК и обратно через особых связников, которым нельзя было приходить на явки и квартиры членов ДВБ, надо было создавать для них специальные явки. Кроме того, через связников передавались и деньги для КПК, которые во избежание провала выдавались мелкими суммами по 5–10 тыс. и не вместе с материалами. Это обстоятельство вызывало необходимость сравнительно частых встреч. Явочными квартирами при этом могли служить только те места, где они не рисковали бы быть увиденными китайскими слугами, что несколько осложняло работу по организации встреч. Со связниками необходимо было встречаться днем, так как ночью бывали облавы и обыски. С членами Политбюро ЦК КПК свидания происходили только вечером, поскольку они были известны китайской полиции и ее агентам в селтльменте. Миф вынужден был вообще не выходить в дневные часы, так как был хорошо известен по предыдущей работе в Китае и как бывший директор КУТВ. Многие китайские студенты, прошедшие обучение в Москве и вернувшиеся в Шанхай, отошли от КПК.

Когда Рудник в феврале 1930 г. уезжал из Москвы, было условлено, что в Шанхай будут присланы иностранцы либеральных профессий, которые будут предоставлять

свои квартиры для свиданий, хранения архивов, регистрации телеграфных адресов, аренды почтовых ящиков, пересылки литературы и т.п. Поскольку такие люди в Шанхай так и не приехали, то одним и тем же работникам ОМС приходилось арендовать все эти квартиры, дома, явки, телеграфные адреса, почтовые ящики (8 почтовых ящиков, 7 телеграфных адресов, 10 квартир, 2 конторы, лавочка). Трудности увеличивались оттого, что большинство сдаваемых в аренду домов в Шанхае принадлежало 4–5 крупным трестам. Поэтому одному и тому же лицу было рискованно снимать дома в том же тресте на разные имена, не имея никакого легального занятия в Шанхае. Аналогичная ситуация была с арендой почтовых ящиков, связанная с рядом формальностей³⁶.

Кроме заключения контрактов на аренду домов, работникам ОМС приходилось их оборудовать: обставлять мебелью, заключать контракты на электричество, воду, газ, телефон, нанимать прислугу и т.д. Количество таких объектов было значительным, что объяснялось конспиративными целями. Нельзя было допустить пересечения различных ветвей работы: встречи с военными должны были проходить отдельно от встреч членов ДВБ с китайскими коммунистами. Связники не должны были знать других адресов. Ни один китаец не должен был знать, где жил Миф, места для встреч с приезжающими японцами, филиппинцами и корейцами и, наконец, адрес самого ОМС. В случае провала или отъезда советских представителей, тем же работникам ОМС приходилось ликвидировать освободившиеся помещения и расторгать до истечения срока контракты.

Задачей военных работников в тот момент было пробраться в советский район Китая (провинция Цзянси). Истребление коммунистов, не прекращавшееся с 1927 г., усилилось к 1931 г., что значительно ухудшило связь ЦК КПК с этим районом. Тем не менее, по настоянию ДВБ весной 1931 г. КПК взялась доставить туда под видом миссионеров Гайлиса и Малышева. Организацией поездки занимался член Политбюро ЦК КПК, руководитель Особого отдела партии Гу Шуньчжан. Попытка пробраться в советский район кончилась неудачей, Гайлис и Малышев вернулись в Шанхай. В апреле 1931 г. при поездке в Ханькоу Гу Шуньчжан был арестован. В связи с этим необходимо было срочно эвакуировать Гайлиса и Малышева из Шанхая. Впоследствии выяснилось, что арестованный Гу стал предателем. Аппарат связи КПК с ДВБ и ОМС необходимо было срочно менять, а также ликвидировать все адреса, которые могли быть известны Гу Шуньчжану. В Москву были отправлены Миф с женой и Беспалов. Было получено разрешение на отъезд из Шанхая Дольсена и технического секретаря ДВБ Волынской. Она выехала в Москву 12 июня 1931 г., захватив с собой последнюю почту. Рыльский не смог сразу уехать, поскольку срок его паспорта истек, и он ожидал присылки новых документов из Москвы. Работники ОМС не получили разрешения на отъезд, к тому же некому было передать работу. Кроме того, провал в КПК не задел непосредственно работников ОМС, так как Гу Шуньчжан не знал ни их, ни их квартир, ни торгового предприятия³⁷.

В связи со свертыванием ДВБ все текущие бумаги и документы, оставшиеся на руках у членов бюро, были сданы на хранение в аппарат ОМС. По постановлению бюро, ОМС принял на хранение документы Тихоокеанского секретариата Профинтерна, секретарь которого Раймонд Бейкер (Рудольф Блум, Джек, Эберт) (1898–?) выехал в Манилу для проведения I учредительного съезда компартии Филиппин. Генсек КПК Сян Чжунфа передал Рыльскому на хранение 7 банковских книжек на общую сумму 48 000 китайских долларов, которые Рыльский также сдал на хранение ОМС³⁸. Таким образом, к лету 1931 г. в Шанхае оставались члены ДВБ Рыльский и Стюарт с женой, директор торговой фирмы Фейергерд и два работника ОМС, а на конспиративной квартире пункта скопилось значительное количество секретных материалов.

Надо сказать, что не всегда присылаемые ОМС сотрудники были достаточно подготовленными в профессиональном отношении. Многие были мало знакомы с особенностями местных условий жизни, обычаями и традициями народа. Так, в начале июня 1931 г. в Сингапуре был арестован француз Жозеф Дюкру (Дюпон) (1904–1980), направленный ОМС в Сингапур для набора студентов для посылки в КУТВ. Студентов

предполагалось переправлять через Шанхайский пункт ОМС. Для этого Дюкру весной 1931 г. по дороге в Сингапур заехал в Шанхай, чтобы получить инструкции, связи в Сингапуре и коды телеграфной и почтовой связи, а также передать почту ИККИ. При аресте у Дюкру был найден номер одного из почтовых ящиков в Шанхае, выделенный ему для связи³⁹. По почтовому ящику английская полиция в Шанхае проследила за Рудником и обнаружила одну из явочных квартир ОМС. И хотя ОМС успел телеграфно сообщить Москве о ликвидации этой явочной квартиры и связанного с ней телеграфного адреса, провал одной из явок ОМС неизбежно должен был привести к провалу и других адресов, так как все они посещались и обслуживались одними и теми же работниками.

15 июня 1931 г. в 7 часа утра английской полицией на одной из квартир был арестован Рудник, а днем на другой квартире была арестована Моисеенко-Великая. Арест сотрудников ОМС не затронул ни оставшихся членов ДВБ, ни торгового предприятия, ни китайских коммунистов. Полиция не сразу установила все адреса ОМС. Дом Рудника был обнаружен случайно через 2 недели после заявления слуги об исчезновении хозяина⁴⁰. При аресте Рудника и его жены было захвачено громадное количество документов ОМС и разнообразного материала, а также копии кодированного письма Дюкру из Сингапура и последнего денежного отчета. Часть документов и денежные расписки были уже отправлены в Москву с Волынской в двойном дне чемодана. В руках полиции оказались фальшивые паспорта Рудника и Моисеенко-Великой на имя Нуленсов⁴¹.

Одной из задач во все время работы и главной задачей Рудника и его жены после ареста было не выдать ничем своего советского происхождения и связи с Москвой. Большое участие в судьбе Рудника и Моисеенко приняла вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин. Она передала им в тюрьме напечатанный на машинке листок с инструкцией Москвы назваться швейцарскими гражданами Павлом и Гертрудой Руэгт⁴². Несмотря на все старания и разбирательства английской полиции, ей не удалось найти ни малейших следов непосредственной связи этих работников ОМС с СССР. В начале августа 1931 г. при передаче Рудника и Моисеенко китайским военным властям в Шанхае английская полиция вынуждена была указать, что национальность арестованных установить не удалось. Рудник и Моисеенко были закованы в ножные кандалы. В августе 1932 г. китайский Высший Суд приговорил Руэгтов к смертной казни. Исполнение приговора было задержано начавшейся агрессией Японии и кампанией за их освобождение, начавшейся в Европе и Америке. В Шанхае председателем Шанхайского отделения комитета защиты Руэгтов была Сун Цинлин⁴³.

После провала сотрудников ОМС до октября 1931 г. связь с КПК осуществлял вызванный из Харбина в Шанхай представитель ОМС Иван Караиванов (Шмидт, Шпинер) (1889–1960). Кроме того, 2 августа 1931 г. в Шанхай прибыл представитель ОМС Карл Лессе (Мали, Дёниц). У него был надежный паспорт, выданный Берлинским управлением полиции. С помощью представителей военной разведки Рихарда Зорге (Джонсон) (1895–1944) и Андреева в октябре 1931 г. Лессе установил связи с КПК, деятельность которой из-за отсутствия денег была парализована. Для поддержки КПК ему пришлось занять деньги у военной разведки, а также помочь КПК в реорганизации аппарата связи. Лессе сообщил в Москву, что использовавшиеся для связи с советскими районами код и радиостанции не отвечают требованиям конспирации и не гарантируют безопасности⁴⁴. Касаясь организации работы ОМС в Шанхае, он указывал на множество ошибок: малое количество промежуточных адресов в Германии, сосредоточенных в основном в Гамбурге, переправка почты в чемоданах с двойным дном, плохая организация отправки студентов для учебы в Советскую Россию, неэффективность использования торговых предприятий в условиях экономического кризиса. Особенно неблагоприятной ситуацией он считал направление в Шанхай на работу немцев и австрийцев, а также американцев и англичан без средств к существованию, поскольку шансов получить работу у них было немного. Большую возможность легализоваться, по его мнению, имели люди со средствами, способные стать пайщиками с 3–5 тыс. мексиканских долларов в кабаре или матросском погребке. Считая практику направления в Шанхай китаеведов, ученых, журна-

листов изжившей себя, Лессе видел возможность в использовании объявлений о приглашении на работу в Индии и Китае через газеты «Berliner Tageblatt» и «Hamburger Fremdenblatt». Для передачи секретной информации он предлагал пользоваться фотопочтой. Сам же Лессе, нарушая все правила конспирации, выписал через книжный магазин «Цайтгайт» в Шанхае по 3 экземпляра изданий Коминтерна «Inprekorr», «Коммунистический Интернационал» и «Красный интернационал профсоюзов»⁴⁵.

Лишь весной 1932 г. в Шанхай под видом члена «Интернационального музыкального общества» прибыл представитель ИККИ Николай Николаевич Зедделер (Герберт, Эрвин) (1876–1938)⁴⁶, чтобы восстановить связь, нарушенную после провала Рудника. Приняв дела от представителя ИК КИМ в Китае Степана Георгиевича Цвиича (Андрей) (1905–1938), Зедделер установил связи с КПК, с Герцбергом и попытался обеспечить связь с советскими районами, Шанхаем и Москвой. В то время шире начала использоваться радиосвязь, но не напрямую, а через промежуточные пункты. Одним из таких пунктов был Владивосток. Было создано три изолированных друг от друга радиопункта для связи с советскими районами, для связи с Москвой и одна запасная радиоточка. Качество радиосвязи оставляло желать лучшего. По словам Зедделера, радисту ОМС Г. Уолшу (Паскаль) за год ни разу не удалось связаться с Москвой. У ДВБ ИККИ не было собственной радиостанции, и членам бюро приходилось связываться с Москвой через посредство ЦК КПК. Секретариат ЦК КПК поддерживал регулярную связь по радио с Исполкомом Коминтерна в Москве и с Центральным советским районом Китая, где находилось временное революционное правительство, и базировалась китайская Красная Армия⁴⁷. Помимо радиосвязи была установлена курьерская связь из Шанхая через Амой, Сятоу и Цзянси. С другими «красными» и партизанскими районами не было даже радиосвязи. Информацию о том, что там происходит, приносили лишь нерегулярно циркулирующие курьеры. С партийными организациями в других городах связь была не лучше. Как и ранее ОМС поддерживал связь с военным аппаратом. В 1932 г. в Шанхай прибыли военные советники ЦК КПК Отто Браун (Вагнер, Ли Дэ) (1900–1974) и Манфред Штерн (Марк Зильберт, Фред) (1896–1954). В качестве членов ДВБ они вместе с представителем Коминтерна при ЦК КПК Артуром Эвертом (Джим) (1880–1959) раз в неделю посещали конспиративный дом ЦК. Радиосвязь работала до ареста второго секретаря КПК Шэн Чжунляна. Свидания с представителями партии происходили в специально нанятых для каждого представителя домах⁴⁸.

В конце 1932 г. ЦК КПК решил перебраться в Центральный советский район, что было сделано весной 1933 г. Отто Браун до осени оставался в Шанхае, а затем тоже уехал в Центральный советский район.

Зедделер обеспечил прием представителей ИККИ, ИК КИМ, Профинтерна и военных в Шанхае, а также радистов и шифровальщиков. Связь с «профинтерновцами» Джоном Кларком (Гарри, Дюпон), приехавшим в 1933 г., и Бейкером, прибывшим в Шанхай в мае 1934 г. в качестве уполномоченного представителя «Филипп Леви экспорт энд импорт К^о» и «Дип рок ойл Корпорэйшн», а также с «комсомольцем» Джоном Гарви (Харвэй) (1904–?), направленным в Китай на смену Цвиичу, выражалась в передаче им жалования и средств для комсомола и профсоюзов. Зедделер предоставил в их пользование дома для встреч со связниками. После провала у комсомольцев по просьбе Зедделера Гарви был отозван из Китая.

В Шанхайский пункт ОМС в помощь Зедделеру по рекомендации Караиванова приехал представитель ОМС М.А. Хазанкин с женой. Легализовались они, открыв парикмахерскую. Однако им пришлось быстро покинуть Шанхай из-за плохой переносимости климата и переехать в Харбин⁴⁹. На смену Хазанкину из Харбина был прислан сотрудник ОМС Л.Х. Зельтерман (1893–?), занимавшийся в основном обменом денег⁵⁰, а позже — А.Е. Кёниг. К началу 1934 г. аппарат ОМС состоял из пяти человек, включая Зедделера. Обязанности распределялись следующим образом: Зедделер занимался связью с КПК, КП Кореи и шифровальщицей Дилл. А.Е. Кёниг, работавший под видом

представителя нескольких немецких фирм, взял на себя все внутрипартийные связи, включая курьеров, связи с японскими коммунистами и фотокопирование документов⁵¹.

Ряд значительных провалов в КПК и КСМК, когда было арестовано много коммунистов и комсомольцев, провалены все три радиостанции, захвачено много важных документов и незашифрованных адресов, деятельность членов ДВБ ИККИ и других представителей в Шанхае оказалась под угрозой. По настоянию Зедделера, членам ДВБ, в которое на тот момент входили Эверт, Бейкер, Тим Райан (Мильтон) (1904–1961), М. Штерн и Цвиич, было запрещено встречаться с китайскими коммунистами. Встречался с ними сам Зедделер, который также передавал деньги для ЦК КПК. Он же устраивал переправку денег в советские районы. Изменилось время встреч курьеров в европейских домах с ночного времени на утреннее. Полиция Гоминьдана бросила все силы, чтобы выявить связи КПК с Москвой⁵².

В конце 1934 г. Москва направила указание Зедделеру сдать дела приехавшему в Шанхай в декабре 1934 г. сотруднику Техничко-экономического отдела ИККИ Вильгельму Влоху (Вильгельм) (1897–1939) и выехать в Москву. Влох китайского языка не знал, поэтому для общения с представителями КПК ему требовался переводчик. Прикрытием Влоха был стоматологический кабинет, где он опрометчиво принимал нелегальных работников. Клиника, не дающая доходов, стала вызывать подозрения у полиции. Связь с КПК по просьбе Зедделера и Влоха поддерживал Бейкер. Он сообщал о легкомысленном отношении Влоха к правилам конспирации⁵³. Курьером ОМС в это время был Штейнбен. Зедделер, вернувшийся летом 1935 г. в Москву, предложил отозвать Влоха⁵⁴, что и было сделано летом 1935 г. С сентября 1935 г. по сентябрь 1936 г. представителем ОМС в Шанхае был Эрнст (Джеймс), а затем — сотрудница аппарата ОМС Габриела Паулевна Ян (Ленц, Мадлен Классен, Елена Шмидт) (1899–?).

После VII конгресса Коминтерна деятельность ОМС претерпела серьезные изменения. В 1936 г. ОМС стал называться «Службой связи Секретариата ИККИ», заместителем руководителя которой с ноября 1935 г. по сентябрь 1936 г., как уже говорилось выше, был Абрамов. Пункты связи были реорганизованы, вводилась практика подписания договоров между их заведующими и представителями Службы связи. Учитывая усиливавшуюся напряженность международной обстановки, пунктам рекомендовалось полностью отделить все легальные связи от нелегальных, а представителям партий выделить ответственных лиц для связи с нелегальным аппаратом. Принимались и другие меры конспирации: «резервный партаппарат» не привлекался к нелегальной работе, переговоры по всем вопросам нелегальной работы должны были вестись на нелегальных квартирах. В 1937 г. шифровальная работа была выделена в отдельную шифровальную часть, которая была изъята из ведения Службы связи и передана в непосредственное подчинение Генерального секретаря ИККИ. В целях конспирации в 1938 г. была закрыта одна из подмосковных радиошкол, готовивших радистов для зарубежных пунктов связи. С этого времени их обучение проходило на местах⁵⁵.

Контакты Службы связи с НКВД в годы репрессий в СССР стали еще теснее. Советские спецслужбы регулярно обменивались информацией об иностранцах и гражданах СССР, заподозренных в «неблагонадежности», «двурушничестве», «классовой враждебности» и т.д. Служба связи продолжала пользоваться фельдъегерской службой НКВД, а также услугами других его подразделений. Служба связи неоднократно обращалась в НКВД с протестами по поводу нарушения его сотрудниками правил конспирации. Часто лиц, приезжавших в СССР по линии Коминтерна, задерживали на пограничных пунктах и по несколько дней допрашивали. Сама Служба связи нередко пополняла свои ряды за счет кадровых сотрудников разведки. 1 октября 1937 г. секретарь ИККИ Д.З. Мануильский обращался в ЦК ВКП(б) к Г. Маленкову с просьбой подобрать работников для аппарата ИККИ, включая заведующего Службой связи, из работников IV (Разведывательного) Управления Генштаба РККА или одного из отделов центрального аппарата НКВД⁵⁶.

Несмотря на многочисленные провалы, Шанхайский пункт связи продолжал действовать, обслуживая представителей Разведуправления и другие партии дальневосточных стран. С перенесением деятельности ЦК КПК в советские районы радиосвязь с Москвой была прервана на два года и возобновилась лишь в 1936 г. уже оттуда. Курьерская служба связи вместо постоянных курьеров стала применять практику разовых курьеров из представителей компартий, которым ИККИ обеспечивал визы на въезд в СССР. Прекратилась практика вербовки в пункты Службы связи ИККИ из эмигрантов, которые стали находиться под усиленным надзором политической полиции европейских и азиатских стран. Теперь деньги для КПК Служба связи передавала через работников ГРУ специальным представителям КПК, назначаемым партией. Например, 22 августа 1939 г. Разведуправление Генштаба сообщило, что их человек «передал деньги близким друзьям» через Линь Боцюя — представителя Службы связи⁵⁷. К контролю над работой пунктов связи, многие руководители которых были заменены специально подобранными ответственными работниками компартий соответствующих стран, активно привлекались генеральные секретари этих партий.

Таким образом, Шанхайский пункт ОМС, снабженный радиосвязью, конспиративной сетью с ее курьерами, явочными квартирами и прочими атрибутами специфической нелегальной структуры, стал тем «нервом», который обеспечивал надежную основу деятельности в Китае представителей Коминтерна, ИК КИМ, МОПР, Профинтерна и разведки. В определенном смысле без этой сложной, связанной со значительным риском для жизни, нелегальной работы сотрудников ОМС в Шанхае не могла бы существовать и сама КПК, которая через Шанхайский пункт связи регулярно получала деньги из Москвы вплоть до переезда ЦК КПК в советские районы.

1. В отчете ИККИ II конгрессу Коминтерна указывалось, что «с громадными опасностями и невероятными препятствиями пробирались к нам отдельные товарищи из различных стран для того, чтобы дать восточку о развивающемся коммунистическом движении на их родине. С не меньшим трудом и не меньшими жертвами приходилось нашим уполномоченным и нашим курьерам пробираться в различные страны с теми или другими поручениями от Коммунистического Интернационала». См.: Доклад Исполкома второму конгрессу Коминтерна. Июль—август 1920 года. М., 1934. С. 595.
2. *Пятницкий В.И.* Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. С. 210–217.
3. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 2. Д. 6. Л. 20 об.
4. Там же. Ф. 495. Оп. 23. Д. 361. Л. 29; Д. 355.
5. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 62. Л. 60. Цит. по: *Шинин О.В.* Создание и становление органов военной разведки Народно—революционной армии Дальневосточной республики (1920–1922) // Истор. журн. науч. исслед. 2012. № 1 (7). С. 41–56.
6. Там же. Ф. 495. Оп. 154. Д. 8. Л. 6; Д. 22. Л. 1; Д. 52. Л. 53.
7. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. 1920–1925. М.: АО «Буклет», 1994. С. 52.
8. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 83. Л. 15.
9. См.: *Фукс М.* Роль региональных властных структур во внешней политике Советской России на Дальнем Востоке в первой половине 20-х годов // Рус. истор. журн. 1998. Т. 1, № 2; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 48. Л. 116.
10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 28.
11. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 81.
12. Там же. С. 79–80.
13. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. С. 49.
14. Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, с 06.02.1922 до 02.11.1923, ранее: ВЧК, после: ОГПУ при СНК СССР.
15. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 23. Д. 365. Л. 170.
16. *Дамаскин И.А.* Сталин и разведка. М.: Вече, 2004. С. 134.

17. Добровольный флот — русская пароходная компания, с 1922 г. находилась в ведении НКВТ СССР.
18. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 210.
19. Там же. С. 238.
20. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. 1926–1927. М.: АО «Буклет», 1996. Т. 2. С. 178–179.
21. Там же. С. 500.
22. Там же. Ч. 2. С. 626–627.
23. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307.
24. Там же. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 28.
25. Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Указ. соч. С. 117.
26. РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1126, Л. 3–21.
27. ВКП (б), Коминтерн и Китай: Документы. 1927–1931. М.: АО «Буклет», 1999, Т. 3. ч. 1. С. 81.
28. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 30.
29. Там же.
30. Сотрудники под началом Я.К. Берзина, с декабря 1920 г. руководившего Разведуправлением РККА, а с марта 1924 г. по апрель 1935 г. возглавившего 4-е (разведывательное) управление штаба РККА.
31. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 3. Ч. 1. С. 383.
32. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 31.
33. Там же. Л. 32.
34. Там же.
35. ВКП (б), Коминтерн и Китай: Документы. 1927–1931. М.: АО «Буклет», 1999, Т. 3. ч. 2. С. 1069–1072.
36. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 36–37.
37. Там же. Л. 39.
38. Там же. Л. 38.
39. Там же. Л. 39.
40. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 39.
41. Подробнее см.: *Litten F.S. The Noulens Affair // The China Quarterly*. 1994. №. 138, June. P. 492–512.
42. Там же. Л. 41.
43. Руэгги пробьли в Нанкинской тюрьме вплоть до 27 августа 1937 г., когда, вследствие бомбардировки Нанкина и разрушения тюрьмы японскими самолетами, они были освобождены. 3 сентября 1937 г. тайно выехали из Нанкина в Шанхай, где Сун Цинлин помогла им снять квартиру и поддерживала деньгами до января 1938 г. 25 июля 1939 г. Руэгги выехали на родину. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 41–43.
44. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 4, ч. 1. С. 113–114.
45. Там же. С. 109–110, 117–118.
46. Там же. Ч. 2 С. 1077.
47. Браун О. Китайские записки (1932–1939). М.: Политиздат, 1974. С. 10–11.
48. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 4, ч. 2. С. 1078.
49. ВКП (б), Коминтерн и Китай. 1931–1937. М.: РОССПЭН. Т. 4, ч. 2. С. 1079.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же. С. 1081–1082.
53. Там же. Ч. 1. С. 821.
54. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 4, ч. 2. С. 1082.
55. Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Указ. соч. С. 200.
56. Дамаскин И.А. Сталин и разведка. С. 171.
57. Там же. С. 177.